

Fitzroy Dearborn. – London; 1999; Brownlie Ian. Principles of public international law. – 4th ed. Oxford University Press, N.Y., 1990; Mandelbaum, Michael. The ideas that conquered the world: peace, democracy, and free markets in the twenty-first century. – PublicAffairs™, 2002.

20. Meron T. The Humanization of Humanitarian Law // The American Journal of International Law. – 2000. – Vol. 94. – No. 2. – P. 239–278.

21. Gabor R. Is There a Way Out of the NonInternational Armed Conflict Detention Dilemma? // Published by the Stockton Center for the Study of International Law. – 2015. – Vol. 91. – P. 31-59.

22. Debuf E. Captured in War: Lawful Internment in Armed Conflict. – Hart Publishing, Oxford, 2013. – P. 179–263.

23. Zaklyuchenie konsul'tanta Malitskogo po projektu postanovleniya TsIK i SNK SSSR «Polozhenie o voennoplennyykh». – Moskva, 27 marta, 1931 g. URL: https://hrono.ru/dokum/193_dok/19310327mal.html <https://www.doc20vek.ru/node/337> [in Russian].

24. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii, F. 9401. Op. 1. D. 619. L. 297-299. [in Russian].

25. Kuz'minykh A.L. Evolyutsiya sistemy NKVD-MVD SSSR (1934-1956 gg.) // Penitentsiarnaya nauka. – 2010. – №10. – S. 77-82 [in Russian].

26. Prikaz NKVD № 001 ot 13 iyulya 1934 godu sozdany NKVD («Ob organizatsii organov NKVD na mestakh» vo vseh soyuznykh respublikakh) <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/178320-spetsialnoe-polozhenie-o-voennoplennyyh-1-iyulya-1941-g#mode/inspect/page/4/zoom/4> [in Russian].

27. Kuz'minykh A.L. Pravovoe regulirovanie rezhima voennogo plena v SSSR v period Vtoroi mirovoi voyny: teoriya i praktika // Penitentsiarnaya nauka. – 2011. – №15. – S. 82-92 [in Russian].

28. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, F. 708. Op. 9. D. 164. [in Russian].

29. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, F. 708. Op. 1/1. D. 8. [in Russian].

30. Spravka zam. nachal'nika 1 upravleniya GUPVI MVD SSSR I.S. Denisova S.N. Kruglovu o kolichestvennom sostave i razmeshchenii voennoplennyykh yaponskoi armii po sostoyaniyu na 20 fevralya 1947 g. Moskva. 20 fevralya 1947 g. Rasporyazhenie MVD SSSR, Minyust SSSR, Glavnogo voennogo prokurora VS SSSR № 493/001086/s/00995 ob areste i pridanii sudu yaponskikh voennoplennyykh, izoblichennykh v prestupnoi deyatel'nosti protiv SSSR. Moskva. 3 avgusta 1949 g. Voennoplennyye v SSSR. 1939-1956: Dok. i materialy. – M.: Logos, 2000. [in Russian].

31. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, F. 1384. [in Russian].

FTAXP/MPHTI/IRSTI 03.20

ӘӨЖ/УДК/UDS 930:94 (574)

<https://doi.org/10.51889/2959-6017.2026.89.2.007>

Мичкасов А.М. ¹, Балакаева Л.Т. *²

¹магистр, Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан.

e-mail : michkasovalex@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8878-1133>

²к.и.н., доцент, Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби,

г. Алматы, Казахстан. e-mail : lyailya.balakaeva@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-9733-4727>

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения Японии и стран Ближнего Востока с акцентом на энергетический фактор и его влияние на японскую внешнюю политику. Япония на протяжении десятилетий зависела от импорта нефти и газа из региона, что обусловило её дипломатическую активность и экономические связи с ближневосточными государствами. Анализируются исторические аспекты, начиная с нефтяных кризисов 1973 и 1979 годов, показавших уязвимость японской экономики перед глобальными потрясениями. Особое внимание уделяется взаимодействию Японии с Ираном, Саудовской Аравией и ОАЭ, а также влиянию политики США на решения Токио. В работе рассматривается современное соперничество США и Китая в регионе и его влияние на стратегические интересы Японии. Китай активно наращивает инвестиции в инфраструктуру и энергетику стран Ближнего Востока, что угрожает позициям традиционных партнёров Японии, таких как США. В ответ Токио расширяет своё присутствие, заключая соглашения о сотрудничестве в области возобновляемой энергетики, водородных технологий и ядерной энергетики. Выводы статьи указывают на необходимость балансирования Японией между экономическими интересами, дипломатической осторожностью и растущими амбициями в сфере безопасности. В условиях изменений на глобальном энергетическом рынке, усиления китайского влияния и возможных корректировок политики США Япония должна выстраивать долгосрочную стратегию сотрудничества с Ближним Востоком, минимизируя риски и укрепляя свои позиции в регионе.

Ключевые слова: Ближний Восток, Энергетическая Зависимость, Маневрирование Японской Дипломатии, соперничество между США и Китаем.

А.М. Мичкасов¹, Л.Т. Балакаева^{2*}

¹ магистр, Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті, Алматы қ., Қазақстан.

e-mail : michkasovalex@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8878-1133>

² т.ғ.к., доцент, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,

Алматы қ., Қазақстан. e-mail: lyailya.balakaeva@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-9733-4727>

ЖАПОНИЯНЫҢ ТАЯУ ШЫҒЫС ЕЛДЕРІМЕН ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСЫНДАҒЫ ЭНЕРГЕТИКАЛЫҚ ФАКТОР

Аңдатпа

Бұл мақалада Жапония мен Таяу Шығыс елдері арасындағы қарым-қатынастар қарастырылады, әсіресе энергетикалық фактор және оның жапон сыртқы саясатына ықпалы талданады. Жапония ондаған жылдар бойы осы өңірден мұнай мен газ импорттауға тәуелді болып, бұл оның дипломатиялық белсенділігін және Таяу Шығыстың мемлекеттерімен экономикалық байланыстарын қалыптастырды. Тарихи аспектілер, оның ішінде 1973 және 1979 жылдардағы мұнай дағдарыстары талданып, жапон экономикасының жаһандық күйзелістерге осалдығы көрсетіледі. Сондай-ақ, Жапонияның Иран, Сауд Арабиясы және БАӘ-мен қарым-қатынастары, сондай-ақ АҚШ саясатының Токионы қабылдаған шешімдеріне ықпалы қарастырылады. Зерттеуде АҚШ пен Қытай арасындағы қазіргі бәсекелестік және оның Жапонияның стратегиялық мүдделеріне әсері қарастырылады. Қытай Таяу Шығыс елдерінің инфрақұрылымы мен энергетикасына инвестицияларды белсенді түрде ұлғайтып, Жапонияның дәстүрлі серіктестерінің, атап айтқанда АҚШ-тың аймақтағы позициясына қауіп төндіруде. Бұған жауап ретінде Токио жаңартылатын энергия, сутегі технологиялары және атом энергетикасы саласындағы ынтымақтастық туралы келісімдер жасасып, өзінің қатысуын кеңейтуде. Мақала қорытындылары Жапонияның экономикалық мүдделері, дипломатиялық сақтық және қауіпсіздік саласындағы өсіп келе жатқан амбициялары арасында тепе-теңдік сақтауының маңыздылығын көрсетеді. Жаһандық энергетикалық нарықтағы өзгерістер, Қытай ықпалының күшеюі және АҚШ саясатының ықтимал түзетулері жағдайында Жапония Таяу Шығыспен ұзақ мерзімді ынтымақтастық стратегиясын құруы, тәуекелдерді азайтып, аймақтағы позицияларын нығайтуы қажет.

Кілт сөздер: Таяу Шығыс, Энергетикалық тәуелділік, Жапон дипломатиясының маневр жасауы, АҚШ пен Қытай арасындағы бәсекелестік.

А.М. Michkasov¹, L.T. Balakayeva^{2*}

¹ master, Kazakh National University. Al-Farabi, Almaty city, Kazakhstan.

e-mail : michkasovalex@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8878-1133>

² Ph.D., Associate Professor, Kazakh National University. Al-Farabi, Almaty city, Kazakhstan.

e-mail : lyailya.balakaeva@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-9733-4727>

THE ENERGY FACTOR IN JAPAN'S RELATIONS WITH THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST

Аннотация

This article examines the relationships between Japan and the Middle Eastern countries, focusing on the energy factor and its impact on Japanese foreign policy. Japan has been dependent on oil and gas imports from the region for decades, shaping its diplomatic activity and economic ties with Middle

Eastern states. Historical aspects are analyzed, including the oil crises of 1973 and 1979, which revealed the vulnerability of the Japanese economy to global shocks. Special attention is given to Japan's interactions with Iran, Saudi Arabia, and the UAE, as well as the influence of U.S. policies on Tokyo's decisions. The study explores the ongoing competition between the U.S. and China in the region and its implications for Japan's strategic interests. China is actively increasing investments in the infrastructure and energy sectors of Middle Eastern countries, threatening the positions of Japan's traditional partners, particularly the U.S. In response, Tokyo is expanding its presence by signing agreements on cooperation in renewable energy, hydrogen technologies, and nuclear energy. The findings of the article highlight the need for Japan to balance its economic interests, diplomatic caution, and growing ambitions in the security sphere. Given the changes in the global energy market, China's increasing influence, and potential shifts in U.S. policies, Japan must develop a long-term strategy for cooperation with the Middle East, minimizing risks and strengthening its regional position.

Keywords: Middle East, Energy Dependence, Japanese Diplomacy Maneuvering, U.S.-China Rivalry.

Введение

Япония относится к числу государств с крайне ограниченной ресурсной базой, что делает её энергетическую безопасность в высокой степени зависимой от импорта. По данным U.S. Energy Information Administration, по состоянию на 2023 год доля внутренней добычи нефти в Японии составляет менее 1 % от общего объёма потребления, тогда как около 93 % сырой нефти импортируется из стран Ближнего Востока. Ключевыми поставщиками выступают Саудовская Аравия (42 %) и Объединённые Арабские Эмираты (34 %) [1, с. 3-4]. Согласно тому же источнику, в 2022 году Япония обогнала Китай и стала крупнейшим в мире импортёром сжиженного природного газа.

С учётом того, что Ближний Восток является крупнейшим поставщиком нефти и одним из значимых источников поставок газа, любые политические, военные или экономические потрясения в регионе представляют прямую угрозу энергетической стабильности Японии. Данная зависимость превращает Ближний Восток в одно из приоритетных направлений японской внешней политики и напрямую связывает внутреннюю социально-экономическую устойчивость страны с динамикой региональных процессов.

Во-первых, экономическое сотрудничество между Японией и странами Ближнего Востока демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению. Япония активно инвестирует в энергетические и инфраструктурные проекты региона, участвует в добыче нефти и газа, а также в развитии технологий возобновляемой энергетики. В обмен на стабильные поставки энергоресурсов Токио предлагает партнёрам технологические решения, техническую помощь и инвестиции в модернизацию энергетического сектора [2, с. 92-95]. Такое взаимодействие формирует модель взаимной зависимости, при которой Япония получает гарантированный доступ к ресурсам, а страны региона – доступ к технологиям и капиталу, необходимым для диверсификации их экономик.

Во-вторых, отношения Японии с Ближним Востоком имеют выраженное геополитическое измерение. Регион, обладающий крупнейшими в мире запасами нефти и газа, является ареной стратегического соперничества ведущих мировых держав, прежде всего США и Китая. В этих условиях Япония стремится сохранить баланс, развивая собственные дипломатические инициативы и укрепляя имидж ответственного партнёра, ориентированного на стабильность и развитие [3, с. 123-125]. Японская дипломатия демонстрирует способность гибко маневрировать между интересами различных акторов, поддерживать диалог и содействовать снижению конфликтного потенциала.

В-третьих, обеспечение стабильности поставок энергоресурсов стало ключевым элементом современной политики безопасности Японии. Безопасность морских путей и

стратегически важных проливов Ближнего Востока, прежде всего Ормузского пролива, напрямую связана с деятельностью Сил самообороны Японии, чьё присутствие в регионе постепенно расширяется в рамках небоевых и мониторинговых миссий [4, с. 52-67]. Таким образом, энергетическая безопасность всё более тесно переплетается с военной и стратегической составляющими внешней политики страны.

Дополнительным направлением японской политики в отношении Ближнего Востока становится развитие энергетических технологий. В ответ на региональную нестабильность и волатильность мировых цен на нефть Япония активно продвигает проекты в области водородной энергетики и «зелёных» технологий. Крупные японские корпорации, включая Mitsubishi Heavy Industries и JERA, реализуют совместные инициативы с партнёрами из Саудовской Аравии и ОАЭ, предлагая технологические решения, которые одновременно служат инструментом энергетической диверсификации и альтернативой влиянию других внешних акторов.

Таким образом, взаимоотношения Японии и Ближнего Востока представляют собой сложный и многослойный процесс, в рамках которого переплетаются экономические, геополитические и технологические интересы. Анализ данной проблематики позволяет глубже понять механизмы формирования внешней политики Японии, её роль в обеспечении энергетической безопасности и стратегическую позицию в системе международных отношений XXI века.

Цель работы – проанализировать роль энергетического фактора во взаимоотношениях Японии и стран Ближнего Востока, определить, как зависимость от импорта энергоресурсов формирует внешнюю политику и стратегию энергетической безопасности Японии.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить исторические предпосылки и современное состояние энергетической зависимости Японии от стран Ближнего Востока.
2. Проанализировать динамику импорта нефти и газа, а также политику энергетической безопасности Японии.
3. Рассмотреть влияние ближневосточного фактора на формирование японской внешней политики.
4. Оценить участие Японии в энергетических и технологических проектах региона, включая развитие возобновляемых источников энергии и водородной дипломатии.
5. Определить стратегические перспективы снижения зависимости и укрепления энергетической устойчивости Японии.

Следует отметить, что в научной и политической литературе отсутствует единый подход к определению географических границ Ближнего Востока: в зависимости от методологии и исследовательских задач в состав региона могут включаться от 15 до 20 и более государств. В данной статье под Ближним Востоком понимаются прежде всего страны, являющиеся ключевыми поставщиками энергоресурсов в Японию и зонами её политико-дипломатической активности. Речь идет главным образом о государствах Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Оман, Бахрейн), а также об Иране и Ираке. В отдельных аспектах анализа также учитываются страны, влияющие на региональную безопасность и политическую динамику, включая Израиль, Иорданию и Турцию. Таким образом, используемое в статье понятие Ближнего Востока носит функциональный характер и определяется не только географическим, но и энергетико-политическим критерием.

Материалы и методы

Источниками работы послужили труды японских, зарубежных и российских исследователей, посвященные энергетической политике Японии и ее взаимодействию со странами Ближнего Востока, а также аналитические материалы международных организаций, государ-

ственных учреждений и исследовательских центров. Часть использованных материалов ранее не привлекалась к комплексному анализу в контексте японо-ближневосточных отношений.

В исследовании используются методы исторического, сравнительного и качественного анализа. Исторический метод применяется для изучения нефтяных кризисов 1973, 1979 и 1990 годов и их влияния на формирование энергетической политики Японии. Сравнительный анализ позволяет выявить устойчивые и изменяющиеся элементы энергетической стратегии Токио в различные исторические периоды. Теоретический синтез используется для интерпретации эмпирических данных в рамках неореализма, неолиберального институционализма и конструктивизма.

Методологической основой исследования является сочетание нескольких теоретических подходов, что обусловлено многомерным характером энергетического фактора во внешней политике. Энергетика выступает не только экономическим ресурсом, но и элементом геополитических расчётов, инструментом дипломатии и фактором долгосрочной стратегической устойчивости. В этой связи анализ японско-ближневосточных отношений требует выхода за рамки одной школы международных отношений.

Ключевой теоретической отправной точкой исследования является неореализм, рассматривающий международные отношения как анархичную систему, в которой государства стремятся обеспечить собственную безопасность. В контексте Японии данный подход позволяет объяснить, почему энергетическая зависимость от внешних источников воспринимается как угроза национальной безопасности. Первый нефтяной кризис 1973 года стал поворотным моментом, продемонстрировав уязвимость японской экономики перед внешними шоками и способствовав институционализации энергетической безопасности как стратегической категории. С этого периода диверсификация поставок, дипломатическая активность на Ближнем Востоке и формирование устойчивых энергетических партнёрств стали неотъемлемой частью внешнеполитического курса Токио.

Вместе с тем неореалистическая перспектива не позволяет в полной мере объяснить специфику японской энергетической дипломатии, что обуславливает обращение к неолиберальному институционализму. В рамках данного подхода энергия рассматривается как элемент взаимозависимости и кооперации, а международные институты – как механизмы снижения неопределённости и рисков [5, с. 152-167]. Для Японии энергетические связи с Ближним Востоком выступают не только каналом поставок, но и инструментом институционального влияния, реализуемого через инвестиции, технологическое сотрудничество и участие в международных энергетических структурах, включая Международное энергетическое агентство. Такой подход позволяет рассматривать зависимость не исключительно как уязвимость, а как управляемую форму стабильности.

Дополняющим теоретическим ракурсом выступает конструктивизм, акцентирующий внимание на роли идей, норм и идентичности во внешней политике [6, с. 11-15]. Япония позиционирует себя как «мирная» и «ответственная» держава, что находит отражение в её энергетической дипломатии. В этом контексте энергетическое сотрудничество рассматривается не только как материальный обмен, но и как форма символического взаимодействия, основанного на доверии, предсказуемости и взаимном уважении. Апелляция к ценностям устойчивого развития и гармонии (和) позволяет Японии укреплять своё присутствие в регионе без использования силовых инструментов.

Важное теоретическое значение для исследования имеет также концепция «мягкой силы», предложенная Дж. Наем [7, с. 44-47]. В японском контексте энергетическая дипломатия приобретает прикладной характер «мягкой силы» через продвижение технологий декарбонизации, проектов в области водорода и аммиака, а также участие в формировании углеродно-нейтральной инфраструктуры. Эти инициативы одновременно служат инструмен-

том обеспечения энергетических интересов и формирования позитивного международного имиджа Японии как технологически развитого и кооперативного партнёра.

Дополнительный аналитический уровень обеспечивает мир-системный анализ И.Валлерстайна, позволяющий рассматривать энергетические связи Японии и стран Ближнего Востока в контексте глобальной иерархии «центр – полупериферия – периферия» [8, с. 23-27]. Япония, не обладая значительными природными ресурсами, занимает промежуточное положение, выступая медиатором между индустриальным центром и ресурсной периферией. Это положение объясняет стремление Токио избегать прямого геополитического соперничества и делать ставку на технологическое посредничество и институциональную стабильность.

Синтез указанных теоретических подходов позволяет рассматривать энергетический фактор не как изолированную экономическую переменную, а как структурный элемент внешнеполитического поведения Японии. Энергетика одновременно выступает ресурсом, источником уязвимости и инструментом влияния, что требует комплексного анализа. Научная новизна теоретико-методологического раздела заключается именно в таком синтетическом подходе, который используется в последующих разделах для интерпретации исторических кризисов, современной энергетической политики и внешнеполитической стратегии Токио на Ближнем Востоке.

Результаты и обсуждение

Вопрос взаимоотношений Японии и стран Ближнего Востока получил отражение в работах как японских, так и зарубежных исследователей, однако его комплексное осмысление остается ограниченным. Большинство исследований традиционно сосредоточено на энергетическом аспекте взаимодействия, рассматривая зависимость Японии от импорта нефти и природного газа как ключевой фактор ее внешней политики.

Проблематика энергетического взаимодействия Японии и стран Ближнего Востока имеет значительный исследовательский потенциал, однако до настоящего времени остается изученной не в полной мере. Большинство исследований рассматривают японскую энергетическую дипломатию в контексте глобальной энергетической безопасности или азиатской региональной политики, при этом именно ближневосточное направление нередко оказывается лишь частью более широких анализов.

Ранние работы, такие как исследование Хьюго Стокса [9, с. 312-229], затрагивали вопросы участия Японии в энергетических проектах на территории Ирана, подчеркивая сложности взаимодействия, вызванные политической нестабильностью региона. В дальнейшем внимание к данной теме усилилось в связи с нефтяными кризисами 1970-1980-х годов, когда энергетическая зависимость Японии от стран Персидского залива приобрела стратегическое значение.

Существенный вклад в изучение японской энергетической дипломатии внес Е.В. Арутюнян [4, с. 52-67], рассмотревший эволюцию энергетической политики Японии в странах Персидского залива сквозь призму трех нефтяных кризисов. Его исследование позволяет проследить, как энергетическая уязвимость страны стала стимулом для формирования особого направления внешней политики – «энергетической дипломатии», основанной на сочетании экономических и политических инструментов влияния.

Новые аспекты японской энергетической политики отражены в работах, посвященных водородной дипломатии и технологиям низкоуглеродного производства. В частности, отчеты компаний Mitsubishi Heavy Industries (2023) и JERA Co., Inc. (2023) документируют заключение соглашений с энергетическими корпорациями Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии о развитии водородной цепочки поставок и производстве «голубого» и «зеленого» водорода. Аналитическая статья Т. Киккавы [10, с.89] на портале Nippon.com раскрывает технологические и экологические перспективы «розового» водорода как потенциального направления энергетического сотрудничества.

Наряду с академическими источниками значительный вклад в освещение японской энергетической политики вносят ведущие СМИ, формирующие актуальный дискурс о внешнеполитических и экономических приоритетах Токио. Публикации в таких изданиях, как The Japan Times, Nikkei Asia, NHK World, Kyodo News, Reuters, Bloomberg, а также Financial Times, систематически анализируют энергетические соглашения Японии с Саудовской Аравией, ОАЭ и Катаром, политику декарбонизации, участие японских корпораций в водородных проектах и дипломатические визиты, направленные на укрепление сотрудничества с государствами Персидского залива. Эти медийные материалы дополняют научный дискурс эмпирическими данными, предоставляя контекст для оценки текущих политико-экономических процессов и отражая динамику японской дипломатии в режиме реального времени.

Наконец, отчет U.S. Energy Information Administration (2023) содержит актуальные данные о структуре энергетического баланса Японии и динамике ее зависимости от импорта ближневосточных углеводородов, что создает эмпирическую основу для анализа внешне-энергетической политики страны. Кроме того существенный вклад в изучение данной проблематики внесли работы японских аналитических центров, таких как Japan Institute of International Affairs (JIIA) и Institute of Energy Economics, Japan (IEEJ), где внимание уделяется вопросам энергетической безопасности, диверсификации поставок и устойчивого развития энергетического сектора.

В целом, несмотря на наличие значительного числа публикаций, комплексное исследование энергетического фактора как системообразующего элемента японо-ближневосточных отношений остается ограниченным. Недостаточно изучены механизмы взаимодействия на уровне частных корпораций, влияние технологических инноваций на политические решения, а также роль энергетической дипломатии в контексте новой международной архитектуры безопасности и устойчивого развития. Настоящее исследование направлено на восполнение этих пробелов.

Нефтяные кризисы 1973, 1979 и 1980 годов как катализаторы формирования энергетической политики Японии.

Исторический анализ подтверждают, что нестабильность на Ближнем Востоке оказывает прямое и системное влияние на социально-экономическую и политическую стабильность Японии. В условиях отсутствия значимых собственных энергетических ресурсов Япония на протяжении второй половины XX века оказалась структурно уязвимой к внешним энергетическим шокам. Более 90 % сырой нефти и около 17 % природного газа, потребляемых Японией, импортируются из стран Ближнего Востока, что делает регион критически важным элементом национальной безопасности [1, с. 3-5].

В рамках данного исследования с использованием метода исторического анализа были рассмотрены три ключевых нефтяных кризиса – 1973, 1979 и 1980 годов. Их сопоставление позволяет выявить устойчивые закономерности трансформации энергетической и внешне-политической стратегии Японии.

Первый нефтяной кризис 1973 года, вызванный войной Судного дня и последовавшим нефтяным эмбарго арабских стран в отношении союзников Израиля и США, стал для Японии фундаментальным шоком. Сокращение добычи нефти на 5 % привело к снижению объёмов поставок в Японию примерно на 10 %. В тот период доля импортных энергоресурсов в общем объёме потребления страны составляла около 70 %, при этом 91,2 % нефти поступало из стран Ближнего Востока. Экономические последствия оказались масштабными: уровень инфляции вырос с 5 % до 23 %, около 78 % всей потребляемой энергии приходилось на нефть, а темпы экономического роста сократились с 8 % до уровня ниже 1 %, что стало минимальным показателем со времён Второй мировой войны [5, с. 58-61].

Кризис 1973 года выявил не только экономическую, но и институциональную неподготовленность Японии к внешним энергетическим потрясениям. Впервые энергетическая

зависимость была осмыслена в категориях национальной безопасности, а не исключительно экономической эффективности. Именно после этого периода начинается активное государственное стимулирование энергосбережения, технологической модернизации промышленности и масштабных инвестиций в атомную энергетику. Параллельно происходит пересмотр внешнеполитического подхода к Ближнему Востоку, в рамках которого доступ к энергоресурсам стал рассматриваться как результат дипломатического взаимодействия, а не исключительно рыночных механизмов.

Второй нефтяной кризис 1978-1979 годов, связанный с Исламской революцией в Иране, продемонстрировал политическое измерение энергетической уязвимости Японии. В 1978 году на Иран приходилось около 41 % японского импорта нефти, что делало внутривнутриполитические процессы в стране критически значимыми для японской экономики [9, с. 312-329]. Отличительной особенностью данного кризиса стало обострение противоречий между энергетическими интересами Японии и её союзническими обязательствами перед Соединёнными Штатами. Токио предпринимал попытки сохранить экономическое сотрудничество с Ираном, включая реализацию крупных нефтехимических проектов, рассматриваемых как элементы долгосрочной энергетической стратегии [11, с. 77-80].

Японская дипломатия в этот период характеризовалась стратегическим балансированием между Вашингтоном и Тегераном. Однако под давлением санкционной политики США и в условиях роста рисков, связанных с ирано-иракской войной, Япония к 1981 году была вынуждена прекратить импорт иранской нефти. Данный эпизод наглядно продемонстрировал ограниченность автономии японской энергетической политики и её зависимость от внешнеполитической конфигурации, прежде всего от американо-японского союза [12, с. 83-85].

Дополнительным фактором нестабильности стала ирано-иракская война 1980-1988 годов. Угрозы блокирования Ормузского пролива, через который проходила значительная часть энергетического импорта Японии, продемонстрировали уязвимость не только стран-поставщиков, но и критически важных транспортных маршрутов. В этот период Япония активизировала дипломатические усилия, направленные на деэскалацию конфликта, что привело к расширению её политического присутствия в регионе, несмотря на потенциальные расхождения с позицией Соединённых Штатов.

Сравнительный анализ нефтяных кризисов 1973, 1979 и 1980 годов позволяет сделать принципиальный вывод: для Японии энергетическая нестабильность на Ближнем Востоке носит кумулятивный характер и трансформируется из краткосрочного экономического шока в долгосрочный фактор внешнеполитического поведения. Каждый последующий кризис не снижал степень зависимости страны от региона, а лишь приводил к изменению инструментов её управления – от технологической модернизации и диверсификации поставщиков до институционализации энергетической дипломатии. Это свидетельствует о структурной природе энергетической уязвимости Японии, которая не может быть устранена исключительно рыночными или географическими механизмами диверсификации.

Энергетическая зависимость Японии от Ближнего Востока в постбиполярный период.

Анализ постбиполярного периода показывает, что окончание холодной войны и трансформация международной системы не привели к снижению энергетической зависимости Японии от Ближнего Востока. Напротив, в 1990-2000-е годы данная зависимость не только сохранилась, но и усилилась, приобретя устойчивый структурный характер.

В начале 1990-х годов на страны Ближнего Востока приходилось 73,9 % импортируемой Японией нефти. Уже к 2000 году данный показатель увеличился до 87,1 %, что свидетельствует о росте концентрации энергетических поставок в одном регионе. Крупнейшим поставщиком нефти в этот период стали Объединённые Арабские Эмираты, обеспечивавшие около 1,24 млн баррелей в сутки. Даже в последующие годы, включая 2015 год, уровень зависимости оставался стабильно высоким – около 82,5 %, что указывает на отсутствие качественных изменений в структуре энергобаланса [1, с. 6-8; 12].

Экономический контекст 1990-х годов усиливал уязвимость Японии. Затяжная стагнация, вызванная крахом финансового «пузыря», рост государственного долга и нестабильность банковского сектора ограничивали возможности активной диверсификации внешнеэкономических связей. Среднегодовые темпы роста ВВП в этот период не превышали 1,3 %. Дополнительным негативным фактором стал Азиатский финансовый кризис 1997-1998 годов, приведший к ослаблению иены и снижению конкурентоспособности японских компаний [13, с. 28-31]. В то же время экономики стран Ближнего Востока демонстрировали относительную макроэкономическую устойчивость, сохраняя темпы роста на уровне около 4 % в год, что усиливало асимметрию экономической динамики между импортёром и поставщиками энергоресурсов [14, с. 64-66].

Анализ структуры японского импорта из стран Ближнего Востока показывает её выраженную сырьевую направленность. Более 70 % поставок приходилось на сырую нефть, тогда как доля сжиженного природного газа, нефтепродуктов и химической продукции оставалась сравнительно низкой [15, с. 58-60; 16, с. 41-43]. При этом совокупная доля стран региона в общем импорте Японии не превышала 13 %, что свидетельствует о высокой степени отраслевой специализации торговых связей и ограниченности экономической взаимодополняемости за пределами энергетического сектора.

Попытки диверсификации в начале 2000-х годов носили преимущественно тактический характер. После прекращения сотрудничества с компанией Arabian Oil в Саудовской Аравии в 2000 году Япония увеличила импорт нефти из Кувейта, Катара и Омана, а также продолжила участие в совместных проектах, таких как разработка месторождения Хафджи [17, с. 73-75]. Однако данные меры не изменили базовую конфигурацию энергоснабжения, а лишь перераспределили доли между странами одного и того же региона.

Торговые отношения Японии со странами Ближнего Востока характеризовались устойчивым отрицательным сальдо. Доля региона в японском экспорте оставалась на уровне 2-3 %, в то время как импорт был почти полностью ориентирован на энергоресурсы. К 2022 году товарооборот между Японией и ОАЭ достиг 54,5 млрд долларов, при этом дефицит торгового баланса Японии превысил 37 млрд долларов [18, с. 74]. Эти данные указывают на асимметричный характер экономических связей, в рамках которых Япония выступает преимущественно как потребитель сырья.

Энергетическая зависимость оказывала прямое влияние и на внешнеполитическую активность Токио. В 2003-2009 годах Япония приняла участие в небоевых операциях на Ближнем Востоке, включая транспортные и гуманитарные миссии, а также выделила около 5 млрд долларов на восстановление Ирака. Параллельно при правительстве Коидзуми Дзюньитиро была активизирована дипломатическая деятельность, включая запуск «Японо-арабского форума» в 2003 году, что свидетельствует о попытках институционализировать политический диалог с регионом [19, с. 67-84].

Принятие в 2002 году «Основного закона об энергетической политике» зафиксировало ключевые приоритеты Японии – стабильность поставок, экологическую устойчивость и рыночные механизмы регулирования. Однако в 2000-х годах структура импорта продолжала демонстрировать доминирование нефти и газа, что указывает на разрыв между нормативно-стратегическими установками и фактической динамикой энергоснабжения [20, с. 345-360].

Мировой финансово-экономический кризис 2007-2008 годов вновь подчеркнул уязвимость японской модели развития. В 2009 году ВВП Японии сократился на 5%, тогда как нефтедобывающие государства Ближнего Востока пережили спад менее болезненно. События 2011 года – авария на АЭС «Фукусима-1» и политическая дестабилизация региона в результате «Арабской весны» – дополнительно усилили зависимость Японии от импорта углеводородов и продемонстрировали ограниченность её манёвра в условиях одновременных внутренних и внешних кризисов [21, с. 119-122].

В совокупности полученные данные позволяют выявить ключевое противоречие постбиполярного периода: несмотря на декларации о диверсификации и снижении энергетической зависимости, Япония фактически углубила структурную привязку к Ближнему Востоку. Диверсификация носила географически ограниченный и реактивный характер, не затрагивая фундаментальные параметры энергобаланса. Это подтверждает вывод о том, что энергетическая зависимость Японии в постбиполярную эпоху стала не временным вызовом, а устойчивым элементом её внешнеполитического и экономического поведения.

Действующая энергетическая политика Японии и роль возобновляемых источников энергии.

Развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в Японии не привело к трансформационному снижению зависимости от импорта углеводородов и, в частности, от стран Ближнего Востока. Напротив, энергетический переход в японском контексте носит адаптивный характер и ориентирован прежде всего на управление уязвимостью, а не на её структурное устранение.

Согласно действующему Basic Energy Plan, Япония планирует увеличить долю ВИЭ в производстве электроэнергии до 36-38 % к 2030 году и достичь углеродной нейтральности к 2050 году. По состоянию на 2023-2024 годы доля ВИЭ действительно выросла до 22-23 %, что отражает количественный прогресс, прежде всего за счёт солнечной энергетики, обеспечивающей более 10 % выработки электроэнергии [22, с. 14]. Однако данный рост не сопровождался сопоставимым сокращением импорта ископаемых энергоресурсов.

Эмпирические данные свидетельствуют о сохранении высокой степени внешней зависимости: Япония по-прежнему импортирует более 80 % первичной энергии, при этом свыше 90 % нефти и около 17 % природного газа поступает из стран Ближнего Востока [1, с. 9-11; 3, с. 5]. Это выявляет ключевое противоречие энергетической политики: развитие ВИЭ осуществляется параллельно, а не взамен углеводородной генерации, что существенно ограничивает эффект энергетической автономизации [22, с. 102-104].

Одним из структурных факторов данного противоречия является географическая и демографическая специфика Японии. Ограниченность земельных ресурсов, высокая плотность населения и сложный рельеф значительно сужают возможности масштабного развертывания солнечных и ветровых электростанций. Дополнительные издержки создают высокая сейсмическая активность и уязвимость прибрежной инфраструктуры. По оценкам Международного энергетического агентства, даже при оптимистичных сценариях ВИЭ не способны обеспечить базовую нагрузку энергосистемы без существенных объёмов резервной генерации, что вынуждает Японию сохранять зависимость от СПГ и нефти как стабилизирующих элементов энергобаланса.

Существенным ограничением энергетического перехода стали последствия аварии на АЭС «Фукусима-1». Временный отказ от атомной энергетики в 2011-2015 годах привёл к резкому росту импорта углеводородов, включая нефть и сжиженный природный газ, что фактически усилило зависимость Японии от Ближнего Востока. Несмотря на частичное возвращение атомной генерации в последующие годы, политические, регуляторные и общественные ограничения продолжают сдерживать её использование, оставляя ВИЭ в роли вспомогательного, а не базового источника энергии [23, с. 205-207].

Критика японской энергетической стратегии широко представлена в академической литературе. Ряд исследователей отмечает, что акцент на ВИЭ в официальном дискурсе во многом выполняет политико-символическую функцию, демонстрируя приверженность климатической повестке и технологическому лидерству, но не устраняет фундаментальные геополитические уязвимости. В этом смысле энергетический переход в Японии может быть охарактеризован как стратегия «управляемой зависимости», при которой риски перераспределяются и смягчаются, но не ликвидируются полностью.

Международное измерение энергетической политики Японии усиливает выявленные противоречия. Токио активно инвестирует в проекты ВИЭ, водородной и аммиачной энергетики в странах Ближнего Востока, включая Саудовскую Аравию и ОАЭ. С одной

стороны, это способствует диверсификации форм энергетического сотрудничества и снижению долгосрочных рисков, связанных с глобальной декарбонизацией. С другой стороны, подобная модель воспроизводит структурную зависимость, переводя её из сырьевой формы в технологическую и инвестиционную, что сохраняет тесную связку Японии с регионом происхождения энергоресурсов.

Таким образом, развитие возобновляемых источников энергии в Японии не следует интерпретировать как линейный путь к энергетической независимости. Полученные результаты указывают на противоречивый и институционально ограниченный характер энергетического перехода, сформированный историческим опытом кризисов, внутренними структурными условиями и внешнеполитическими реалиями. ВИЭ действительно снижают чувствительность Японии к краткосрочным ценовым колебаниям и усиливают её международный имидж как технологически развитого и экологически ответственного актора, однако они не устраняют фундаментальную зависимость от Ближнего Востока. Это позволяет сделать вывод о том, что энергетический переход Японии представляет собой адаптивную стратегию управления уязвимостью, а не трансформацию энергетической модели в строгом структурном смысле.

Региональные игроки: соперничество США и Китая

В XXI веке геополитическое соперничество на Ближнем Востоке претерпело качественную трансформацию. Если в период холодной войны и в первые десятилетия после неё ключевым инструментом влияния оставалось военное присутствие и контроль над региональной безопасностью, то в настоящее время противостояние ведущих мировых держав всё в большей степени разворачивается в сферах энергетики, инфраструктуры, логистики и технологий. Данная трансформация имеет принципиальное значение для государств, критически зависящих от импорта энергоресурсов, прежде всего для Японии.

На протяжении второй половины XX века и начала XXI века Соединённые Штаты Америки играли доминирующую роль в обеспечении безопасности Ближнего Востока. Американская стратегия основывалась на защите союзников, военном присутствии в ключевых точках региона и контроле над стратегическими морскими коммуникациями, что обеспечивало относительную стабильность поставок нефти на мировые рынки [13, с. 47-50]. Однако результаты энергетической трансформации США, связанной со «сланцевой революцией», существенно изменили данную конфигурацию. К 2019-2020 годам США вышли на уровень нетто-экспортёра нефти и нефтепродуктов, а доля ближневосточной нефти в их импорте сократилась до менее чем 10 % [14, с. 52]. Это позволило Вашингтону постепенно перераспределить стратегические приоритеты в пользу Индо-Тихоокеанского региона [24, с. 33-35].

Снижение энергетической зависимости сопровождалось трансформацией американского военного присутствия на Ближнем Востоке. Численность войск США в регионе сократилась с более чем 150 тыс. человек в начале 2000-х годов до примерно 40-50 тыс. к концу 2010-х годов [24, с. 33-35]. Несмотря на сохранение контроля над ключевыми узлами региональной безопасности, включая Ормузский пролив, через который проходит около 20-21 % мировой морской торговли нефтью и до 30 % морских поставок СПГ, сокращение прямой вовлечённости ослабило восприятие США как безусловного долгосрочного гаранта стабильности [25, с. 23].

Образовавшееся пространство для манёвра было использовано Китаем, который существенно нарастил экономическое и энергетическое присутствие на Ближнем Востоке. В 2010-2022 годах объём китайской торговли со странами региона увеличился более чем в три раза, превысив 400 млрд долларов [25, с. 58-60]. Китай стал крупнейшим импортёром нефти в мире, при этом на страны Ближнего Востока приходится около 45-50 % его нефтяного импорта [1, с. 31; 25, с. 67]. В отличие от США, китайская стратегия опирается не на силовое доминирование, а на формирование устойчивой экономической взаимозависимости через инициативу «Пояс и путь», инвестиции в нефтепереработку, портовую инфраструктуру и транспортные коридоры [26, с. 72-75].

Для государств Персидского залива такая конфигурация создаёт условия для проведения более многовекторной внешней политики и снижения односторонней зависимости от США [27, с. 64-66]. Однако для Японии усиление китайского присутствия не компенсирует снижение американской вовлечённости. В отличие от Китая, Токио не обладает сопоставимыми инфраструктурными возможностями, а в отличие от США – не располагает инструментами силового сдерживания. В результате Япония оказывается в структурно уязвимой позиции: её энергетическая зависимость от региона сохраняется, тогда как механизмы внешних гарантий стабильности становятся менее определёнными.

Соперничество США и Китая в регионе имеет несколько измерений, напрямую связанных с энергетическими рисками для Японии. Во-первых, энергетическое измерение проявляется в асимметрии интересов: снижение зависимости США от ближневосточной нефти контрастирует с сохраняющейся и растущей зависимостью Японии и Китая [1, с. 19-21]. Во-вторых, инфраструктурное измерение отражает различие стратегий: США фокусируются на безопасности и военных альянсах, тогда как Китай – на контроле над энергетическими и логистическими узлами. В-третьих, политическое измерение заключается в стремлении региональных государств избегать жёсткого выбора между великими державами, что повышает неопределённость для третьих акторов, таких как Япония [12, с. 47].

Дополнительным фактором нестабильности остаётся эскалация региональных конфликтов, прежде всего противостояние между Израилем и Ираном. Даже ограниченные инциденты в зоне Ормузского пролива сопровождаются ростом мировых цен на нефть в краткосрочной перспективе на 5-15 %, что наглядно демонстрирует чувствительность энергетических рынков к геополитическим рискам [1, с. 27-29; 28, с. 101]. Для Японии, импортирующей более 80 % нефти из стран Ближнего Востока, подобные колебания имеют не абстрактный, а прямой макроэкономический эффект [3, с. 5-6].

Таким образом, соперничество США и Китая на Ближнем Востоке не приводит к стабилизации региональной среды, а, напротив, усиливает неопределённость, в условиях которой Япония вынуждена выстраивать собственную стратегию адаптации. Энергетический фактор в данном контексте выступает не только объектом конкуренции, но и источником структурной уязвимости, определяющей ограниченность внешнеполитического манёвра Токио [21, с. 120-122].

Гуманитарная политика Японии как инструмент снижения энергетических рисков.

В условиях нарастающей геополитической нестабильности на Ближнем Востоке Япония вырабатывает специфическую модель внешнеполитического реагирования, основанную не на силовом или инфраструктурном соперничестве, а на расширении гуманитарного и восстановительного присутствия. Данный подход следует рассматривать не как второстепенное направление дипломатии, а как функциональный элемент стратегии энергетической безопасности, направленный на снижение системных рисков, возникающих в результате региональных конфликтов и гуманитарных кризисов.

Институциональной основой этой политики стал пересмотр *Development Cooperation Charter* в 2023 году, в котором были закреплены три ключевых принципа: немилитарный характер помощи, приоритет концепции *human security* и опора на многосторонние механизмы. В отличие от предыдущих редакций, обновлённая хартия прямо увязывает гуманитарное сотрудничество с устойчивостью международной среды, включая регионы, имеющие критическое значение для ресурсного обеспечения Японии [13, с. 41–44]. Тем самым гуманитарная политика выводится за рамки альтруистической деятельности и приобретает стратегическое измерение.

Количественный анализ подтверждает значимость данного направления. По данным UN OCHA, в 2022–2024 годах объём японских взносов в гуманитарные программы на Ближнем Востоке превысил 1,2 млрд долларов, причём более 80 % средств направлялись через структуры ООН и международные неправительственные организации [18, с. 112–114]. Такая модель минимизирует политизацию помощи и снижает риск её использования в качестве инструмента давления, что особенно важно в условиях высокой конфликтности региона.

Операционно гуманитарная политика Японии реализуется по многоуровневой модели. Первый уровень включает экстренное реагирование, осуществляемое силами *Japan Disaster Relief (JDR)*. Согласно данным Министерства иностранных дел Японии, в период с 2015 по 2023 год подразделения JDR были задействованы более чем в 20 операциях в странах Ближнего Востока и сопредельных регионах, включая медицинские миссии и поставки критически важных грузов [26, с. 56–58]. Второй уровень охватывает программы раннего восстановления, направленные на реконструкцию объектов водоснабжения, энергетики и медицинской инфраструктуры. Именно этот компонент имеет прямое значение для стабилизации территорий, обеспечивающих добычу и транзит энергоресурсов. Третий уровень предполагает институциональные партнёрства, включая *Japan Platform*, объединяющие государственные ресурсы, бизнес и гражданское общество [27, с. 129–131].

Особую значимость гуманитарная дипломатия Японии приобрела на фоне эскалации палестино-израильского конфликта в 2023–2024 годах и сопутствующего усиления иранского фактора. Япония заняла осторожную позицию, сочетая политическую поддержку принципа безопасности Израиля с приоритетом гуманитарного доступа к гражданскому населению сектора Газа. В 2024 году Токио возобновил финансирование UNRWA при усилении механизмов контроля и аудита, что позволило сохранить каналы гуманитарной помощи в условиях высокой политической чувствительности и международной поляризации.

Данный подход отражает более широкое противоречие японской внешней политики, связанное с необходимостью балансировать между союзническими обязательствами перед США, экономическими интересами в арабских странах и внутренней пацифистской нормой. В результате формируется стратегия процедурного нейтралитета, при которой гуманитарная помощь становится основным допустимым инструментом вовлечения в региональные конфликты. С точки зрения энергетической безопасности такая стратегия позволяет Японии снижать риски дестабилизации без прямого политического или военного участия.

Эскалация напряжённости вокруг Ирана, включая удары США по объектам, связанным с иранскими прокси-структурами, дополнительно подчёркивает функциональное значение гуманитарных механизмов. По данным *U.S. Energy Information Administration*, каждый серьёзный эпизод военной напряжённости вблизи ключевых энергетических маршрутов сопровождается ростом цен на нефть на 5–15 % в краткосрочной перспективе. В этом контексте гуманитарная стабилизация конфликтных зон приобретает прикладное значение для Японии как средство снижения вероятности ценовых шоков и перебоев поставок.

Вместе с тем гуманитарная политика Японии имеет и структурные ограничения. Отсутствие силового компонента снижает её способность влиять на исход конфликтов, а зависимость от многосторонних институтов ограничивает автономность принятия решений. Тем не менее в условиях, когда альтернативные модели — силовая или инфраструктурно-инвестиционная — связаны с высокими политическими и экономическими издержками, гуманитарная дипломатия остаётся для Японии наиболее рациональным инструментом управления энергетическими рисками.

Таким образом, гуманитарная политика Японии на Ближнем Востоке выступает не дополнением, а неотъемлемым элементом стратегии энергетической безопасности. Через восстановление, институциональный нейтралитет и многостороннее взаимодействие Токио снижает системные риски дестабилизации, не выходя за рамки своей пацифистской и правовой парадигмы. Это подтверждает вывод о том, что энергетическая безопасность Японии в XXI веке обеспечивается не столько контролем над ресурсами, сколько управлением нестабильностью в регионах их происхождения.

Обеспечение региональной безопасности в Персидском заливе: взгляд из Токио

Персидский залив занимает центральное место в системе энергетической безопасности Японии, выступая не просто зоной внешнеполитического интереса, а критически важным пространством, от стабильности которого напрямую зависит функционирование японской экономики. Через государства Персидского залива и прилегающие морские маршруты проходит основная часть поставок сырой нефти и сжиженного природного газа,

обеспечивающих энергетический баланс Японии [1, с. 10-12; 2, с. 25-28]. В этих условиях вопросы региональной безопасности рассматриваются Токио не в категориях силового доминирования, а как задача поддержания предсказуемости, свободы судоходства и минимизации рисков эскалации.

События 2023–2025 годов наглядно продемонстрировали, что энергетическая безопасность Японии уязвима не только к межгосударственным конфликтам в зоне Персидского залива, но и к более широким военно-политическим кризисам на Ближнем Востоке. Война Израиля с ХАМАС, расширение конфликта за пределы сектора Газа, рост активности иранских прокси-структур, а также последующая эскалация израильско-иранского противостояния существенно повысили уровень неопределённости вблизи ключевых энергетических маршрутов. Для Японии данные события приобретают системное значение, поскольку даже ограниченные формы дестабилизации региона напрямую отражаются на глобальных энергетических рынках.

Особое значение в этом контексте имеют авиаудары США по объектам, связанным с иранскими военными и аффилированными структурами, а также ответные действия Ирана и его союзников. Несмотря на отсутствие полномасштабного вооружённого конфликта в зоне Персидского залива, подобные эпизоды существенно повышают риски втягивания региона в более широкую войну. По данным U.S. Energy Information Administration, каждый серьёзный инцидент, связанный с ростом военной напряжённости вблизи Ормузского пролива, сопровождается краткосрочным ростом мировых цен на нефть в диапазоне 5–15 %, что наглядно демонстрирует высокую чувствительность энергетических рынков к региональной эскалации [1, с. 50-52].

Для Японии, импортирующей свыше 80 % нефти и значительную долю сжиженного природного газа из стран Ближнего Востока, подобные колебания трансформируются не только в экономические издержки, но и в риски социальной и макроэкономической стабильности. В этом смысле война Израиля с ХАМАС и рост напряжённости вокруг Ирана рассматриваются Токио не как локальные конфликты, а как факторы, напрямую затрагивающие национальную безопасность.

В отличие от Соединённых Штатов Америки, Япония не располагает возможностью или политической волей к активной силовой проекции в регионе. Японский подход к обеспечению безопасности Персидского залива формируется под воздействием трёх структурных ограничителей: конституционного пацифизма, союзнических обязательств перед США и высокой экономической зависимости от стабильных энергетических поставок [28, с. 150-152]. В результате Токио вырабатывает модель «ограниченного участия», ориентированную не на участие в военных операциях, а на снижение вторичных рисков эскалации.

Ключевым элементом японского понимания региональной безопасности остаётся защита морских коммуникаций. Через Ормузский пролив проходит около 20–21 % мировой морской торговли нефтью и до 30 % морских поставок СПГ, что делает его критическим узлом глобальной энергетической системы [2, с. 26-28]. Любые угрозы свободе навигации – включая атаки на коммерческие суда, диверсии или угрозы блокирования пролива – немедленно отражаются на энергетической безопасности Японии. Именно поэтому безопасность судоходства рассматривается Токио как легитимная сфера международного участия, не противоречащая пацифистской доктрине.

Практическим выражением данного подхода стало решение Японии о направлении Сил самообороны в регион в формате автономных разведывательно-наблюдательных миссий. Развёрнутая в 2020 году операция в Оманском заливе и северной части Аравийского моря была выведена за рамки многонациональных боевых коалиций и носила исключительно небоевой характер, сосредоточенный на мониторинге обстановки и обеспечении безопасности судоходства [25, с. 312-315]. Такой формат позволил Японии продемонстрировать вклад в региональную стабильность, не ассоциируя себя с конкретными военными действиями против Ирана.

Данный выбор приобретает особую значимость на фоне израильско-иранской эскалации и ударов США по иранской инфраструктуре. Прямое присоединение к силовым инициативам

создало бы для Японии риск утраты каналов диалога с Ираном и государствами региона, что могло бы усилить её энергетическую уязвимость. В этих условиях Токио последовательно придерживается стратегии функционального нейтралитета, сочетая ограниченное военное присутствие с дипломатическими и гуманитарными инструментами [29, с. 168-170].

Важным элементом японского подхода остаётся и многостороннее измерение. Япония поддерживает форматы координации с европейскими и азиатскими партнёрами, избегая жёсткой привязки к американоцентричной архитектуре безопасности [30, с. 122-124]. Такая линия снижает риски политической ассоциации Японии с военными кампаниями и позволяет сохранять образ нейтрального и предсказуемого актора, заинтересованного в деэскалации.

Заключение

Проведённое исследование показало, что энергетический фактор является системообразующим элементом внешней политики Японии и определяет устойчивый интерес страны к Ближнему Востоку на протяжении второй половины XX – начала XXI века. Ограниченность собственных природных ресурсов и высокая зависимость от импорта углеводородов формируют структурную уязвимость японской экономики, которая напрямую связывает внутреннюю стабильность страны с политической и экономической ситуацией в ближневосточном регионе.

Исторический анализ нефтяных кризисов 1973, 1979 и 1980 годов позволил доказать, что региональная нестабильность на Ближнем Востоке имеет для Японии не абстрактное, а прямое макроэкономическое и политическое значение. Каждый из кризисов сопровождался резким ростом цен на энергоносители, снижением темпов экономического роста и трансформацией внешнеполитических приоритетов Токио. Именно в этот период энергетическая безопасность окончательно закрепилась в японском политическом мышлении как категория национальной безопасности, а не исключительно экономическая проблема.

Несмотря на активную диверсификацию внешнеэкономических связей и развитие альтернативных источников энергии, зависимость Японии от ближневосточных энерго-ресурсов сохраняет устойчивый характер. Анализ данных за 1990-е – 2020-е годы показывает, что доля нефти и газа из стран Ближнего Востока остаётся критически высокой, а любые формы эскалации – включая региональные конфликты и угрозы безопасности морских коммуникаций – немедленно трансформируются в ценовые и логистические риски. Это позволяет сделать вывод о структурной, а не временной природе энергетической зависимости Японии.

Особое внимание в работе уделено действующей энергетической политике Японии и роли возобновляемых источников энергии. Проведённый анализ выявил ключевое противоречие: рост доли ВИЭ и развитие водородных технологий не приводят к сопоставимому снижению зависимости от импорта углеводородов. Напротив, энергетический переход в японском контексте носит адаптивный характер и направлен на управление уязвимостью, а не на её устранение. ВИЭ выполняют одновременно экономическую, технологическую и имиджевую функции, но не выступают полноценной альтернативой ближневосточной нефти и газу в среднесрочной перспективе.

Анализ политического курса Токио на Ближнем Востоке показал, что Япония вырабатывает особую модель внешнеполитического поведения, отличную как от силовой логики США, так и от инфраструктурно-инвестиционной стратегии Китая. В условиях усиления великодержавной конкуренции и эскалации региональных конфликтов – включая войну Израиля с ХАМАС и напряжённость вокруг Ирана – Япония последовательно избегает прямого вовлечения в конфронтационные форматы. Вместо этого Токио использует сочетание гуманитарной дипломатии, многосторонних механизмов и ограниченного небоевого присутствия Сил самообороны в сфере обеспечения безопасности судоходства.

Показано, что гуманитарная политика Японии и участие в мониторинге морских коммуникаций в Персидском заливе следует рассматривать не как второстепенные направления, а как функциональные элементы энергетической безопасности. Через гуманитарную помощь, восстановительные проекты и институциональный нейтралитет Япония снижает системные риски дестабилизации, не выходя за рамки пацифистской и правовой парадигмы.

Такая стратегия позволяет сохранять доступ к ключевым энергетическим маршрутам при минимальных политических издержках.

С теоретической точки зрения исследование подтверждает ограниченность применения одной школы международных отношений для анализа энергетической дипломатии Японии. Синтез неореализма, неолиберального институционализма, конструктивизма, концепции «мягкой силы» и мир-системного анализа позволил выявить многослойный характер энергетического фактора как ресурса, инструмента влияния и источника уязвимости одновременно. Энергетика в японском внешнеполитическом контексте выступает не только объектом обмена, но и механизмом коммуникации и управления зависимостью.

Список использованной литературы:

1. U.S. Energy Information Administration. Japan Energy Profile // International Energy Statistics. 2023.
2. Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. Basic Energy Plan. Tokyo: METI, 2023. 96 с.
3. Vivoda V. Energy Security in Japan: Challenges and Prospects // Energy Policy. 2019. Vol. 127. С. 340-349. - International Energy Agency. Japan 2023 Energy Policy Review. Paris: IEA, 2023. 214 с.
4. Арутюнян Е.В. Энергетическая дипломатия Японии в странах Персидского залива в контексте трех нефтяных кризисов // Япония 2008. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2008. - С.52-67.
5. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 с.
6. Waltz K. Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill, 1979. 251 с.
7. Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. 290 с.
8. Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1974. 410 с.
9. Stokes B. Japan and Iran: Balancing Energy and Alliance Politics // Foreign Affairs. 1980. Vol. 59, No. 2. С. 312-329.
10. Kikkawa T. Japan's Hydrogen Strategy and the Global Energy Transition. – Tokyo: METI Report, 2024. – 278 с.
11. Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power. New York: Free Press, 2011. 912 с.
12. BP. Statistical Review of World Energy. London: BP, 2023.
13. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Development Cooperation Charter. Tokyo: MOFA, 2023. 58 с.
14. Japan Bank for International Cooperation. JBIC Annual Report. Tokyo: JBIC, 2022. 144 с.
15. JERA Co., Inc. Integrated Report. Tokyo: JERA, 2023. 108 с.
16. Mitsubishi Heavy Industries. Energy Transition and Hydrogen Strategy. Tokyo: MHI, 2023. 76 с.
17. UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. Global Humanitarian Overview. New York: UNOCHA, 2023. 220 с.
18. International Energy Agency. Japan 2023 Energy Policy Review. Paris: IEA, 2023. 214 с.
19. Chizhevskaya M. C. Japan's Policy toward the Israeli-Palestinian Conflict: Constraints and Interests // Journal of International Relations. 2024. Vol. 18, No. 2. С. 67-84.
20. Calvert C. Oil Crises and Japanese Economic Policy // Asian Survey. 1993. Vol. 33, No. 4. С. 345-360.
21. Katzenstein C. Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 304 с.
22. Hughes C. J. Japan's Foreign and Security Policy Under Abe: New Dynamism or New Dead End? London: Palgrave Macmillan, 2015. 268 с.
23. Samuels R. E. Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 328 с.
24. Japan Ministry of Defense. Defense of Japan White Paper. Tokyo: MOD, 2023. 312 с.

25. U.S. Energy Information Administration. *World Oil Transit Chokepoints*. Washington: EIA, 2023.
26. Japan Disaster Relief Activity Report. Tokyo: MOFA, 2022. 84 c.
27. Asian Development Bank. *Asia's Energy Transition*. Manila: ADB, 2022. 176 c.
28. UNDC. *Human Security Now*. New York: UNDP, 2003. 159 c.
29. International Monetary Fund. *World Economic Outlook*. Washington: IMF, 2023. 198 c.
30. OECD. *Energy Security and Climate Policy in Japan*. Paris: OECD, 2022. 142 c.

References

1. U.S. Energy Information Administration. *Japan Energy Profile* // *International Energy Statistics*. 2023. [in English].
2. Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. *Basic Energy Plan*. Tokyo: METI, 2023. 96 p. [in English].
3. Vivoda V. *Energy Security in Japan: Challenges and Prospects* // *Energy Policy*. 2019. Vol. 127. P. 340-349. – International Energy Agency. *Japan 2023 Energy Policy Review*. Paris: IEA, 2023. 214 p. [in English].
4. Arutyunyan, E. V. (2008). *Energeticheskaya diplomatiya Yaponii v stranakh Persidskogo zaliva v kontekste trekh neftyanykh krizisov* [Japan's energy diplomacy in the Persian Gulf countries in the context of three oil crises]. *Yearbook Japan*, 37, P. 52–67. [in Russian].
5. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p. [in English].
6. Waltz K. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
7. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1984. 290 p. [in English].
8. Wallerstein I. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press, 1974. 410 p.
9. Stokes B. *Japan and Iran: Balancing Energy and Alliance Politics* // *Foreign Affairs*. 1980. Vol. 59, No. 2. P. 312-329. [in English].
10. Kikkawa T. *Japan's Hydrogen Strategy and the Global Energy Transition*. Tokyo: METI Report, 2024. 278 p. [in English].
11. Yergin D. *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power*. New York: Free Press, 2011. 912 p. [in English].
12. BC. *Statistical Review of World Energy*. London: BP, 2023. [in English].
13. Ministry of Foreign Affairs of Japan. *Development Cooperation Charter*. Tokyo: MOFA, 2023. 58 p. [in English].
14. Japan Bank for International Cooperation. *JBIC Annual Report*. Tokyo: JBIC, 2022. 144 p. [in English].
15. JERA Co., Inc. *Integrated Report*. Tokyo: JERA, 2023. 108 p. [in English].
16. Mitsubishi Heavy Industries. *Energy Transition and Hydrogen Strategy*. Tokyo: MHI, 2023. 76 p. [in English].
17. UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. *Global Humanitarian Overview*. New York: UNOCHA, 2023. 220 p. [in English].
18. International Energy Agency. *Japan 2023 Energy Policy Review*. Paris: IEA, 2023. 214 p. [in English].
19. Chizhevskaya M. C. *Japan's Policy toward the Israeli-Palestinian Conflict: Constraints and Interests* // *Journal of International Relations*. 2024. Vol. 18, No. 2. P. 67-84. [in English].
20. Calvert C. *Oil Crises and Japanese Economic Policy* // *Asian Survey*. 1993. Vol. 33, No. 4. P. 345-360. [in English].
21. Katzenstein C. *Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan*. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 304 p. [in English].
22. Hughes C. J. *Japan's Foreign and Security Policy Under Abe: New Dynamism or New Dead End?* London: Palgrave Macmillan, 2015. 268 p. [in English].

23. Samuels R. E. *Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 2007. 328 p. [in English].
24. Japan Ministry of Defense. *Defense of Japan White Paper*. Tokyo: MOD, 2023. 312 p. [in English].
25. U.S. Energy Information Administration. *World Oil Transit Chokepoints*. Washington: EIA, 2023. [in English].
26. Japan Disaster Relief Activity Report. Tokyo: MOFA, 2022. 84 p. [in English].
27. Asian Development Bank. *Asia's Energy Transition*. Manila: ADB, 2022. 176 p. [in English].
28. UNDC. *Human Security Now*. New York: UNDP, 2003. 159 p. [in English].
29. International Monetary Fund. *World Economic Outlook*. Washington: IMF, 2023. 198 p. [in English].
30. OECD. *Energy Security and Climate Policy in Japan*. Paris: OECD, 2022. 142 p. [in English].